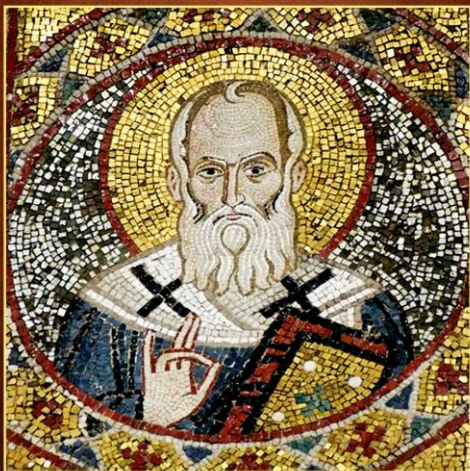

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

ПЕСНОПЕНИЯ
ТАИНСТВЕННЫЕ

Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, вошел в историю Православной церкви как величайший творец христианской литературы.

Сочинения святителя Григория — слова, письма, стихи и молитвы — показывают его высокое стремление быть проповедником, достойным истины Христовой. Ему был ниспослан дар слова, и святой хотел принести его в дар Богу — Слову: «Сей дар приношу я Богу моему, сей дар посвящаю Ему: — это одно, что осталось у меня и чем богат я; от всего прочего отказался я по заповеди Духа; всё, что ни имел, променял за драгоценную жемчужину. Только словом владею я, как слугитель Слова; никогда добровольно не хотел бы пренебрегать этим богатством, я уважаю его, дорожу им, утешаюсь им более, чем другие утешаются всеми сокровищами мира».

Книга святителя Григория Богослова «Песнопения таинственные» положит начало изучению великого наследия вселенского отца и учителя.

Григорий Богослов

Песнопения таинственные

Слово 1, о началах

Знаю, что на непрочной ладье пускаюсь в дальнейшее плавание, или на малых крыльях уношусь к звездному небу, я, в котором родилась мысль открыть Божество, или определения великого Бога, и ключ для всего; тогда как и небесным умам не достает сил возблагодарить пред Богом сколько должно. Впрочем, поелику Божеству часто бывает приятен дар не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смело изреку слово.

Но кто злочестив, беги прочь! Мое слово простирается или к очищенным, или к трудящимся над очищением себя. Оскверненные же? Как звери, прикасавшиеся к горе, когда с вершины ее воссиял Христос и писал на скрижалях Моисею закон, немедленно были побиваемы отторгавшимися камнями (См.: Исх. 19,13), так будет и с ними. Так слово от нашего лика гонит злых, которые имеют богоборное сердце.

А я положу на страницы предисловием как бы то же, что древле богомудрые мужи — Моисей и Исаия (говорю это знающим), когда один давал новописанный закон, а другой напоминал о законе

нарушенном, чтобы привести в трепет жестокосердный народ, — представили во свидетельство слова. «Вонми небо и да слышит земля глаголы мои!» (См.: Втор. 32, 1; Ис. 1, 2). Дух Божий! Ты возбуди во мне ум и язык, соделай их громозвучною трубою истины, чтобы усладились все, прилепившиеся сердцем ко всецелому Божеству!

Един есть Бог безначальный, безвиновный, неограниченный ничем, или прежде бывшим, или после имеющим быть, и в прошедшем и в будущем объемлющий вечность, беспредельный, благого великого Единородного Сына великий Отец, Который в рождении Сына не потерпел ничего, свойственного телу, потому что Он — Ум.

Един есть Бог иной, но не иной по Божеству, — сие Слово оного Бога, живая печать Отчая, единый Сын Безначального и Единственный Единственного, во всем равный Отцу (кроме того, что один всецело пребывает Родителем, а другой — Сыном), Мироположник и Правитель, сила и мысль Отца.

Един Дух — Бог от благого Бога. Да погибнет всякий, кого не отпечатлел так Дух, чтобы являл Его Божество, у кого или в глубине сердца есть зло, или язык нечист, — эти люди полусветлые, завистливые, эти самоученые мудрецы — этот источник загражденный (См.: Притч. 25,27),

светильник, сокрытый в темной пазухе (См.: Лк. 11,33.)!

Слово 2, о Сыне

Прежде всего прославим Сына, чья кровь — очищение наших немощей. Ибо по причине восставшего на Бога зломудренного, самоубийственного языка, нужно, чтобы и смертный помог небесным.

Ничего не было прежде великого Отца, потому что Он все имеет в Себе. И Его знает неотлучный от Отца — Отцом рожденный, безлетный Сын, великого Бога Слово, Образ Первообраза, Естество, равное Родителю. Ибо слава Отца — великий Сын. А как явился Он от Отца — знает единый Отец и Явившийся от Отца, потому что никто не был близ Божества.

Впрочем, то, несомненно, известно и всякому человеку и мне, что Божеству нельзя приписывать моего рождения, то есть течения, бесславного сечения. Если я делаюсь родителем не без страдания, потому что составлен из частей, то не следует из сего, чтобы подлежал страданию, Кто вовсе не сложен и бестелесен. Ибо что удивительного, если у тех, которые далеки между собою по естеству, и рождения инаковы? Если время старше меня, то оно не прежде Слова, у

Которого Родитель безлетен.

Как Отец ничего не оставляет для умопредставления выше безначального Божества; так и Сын Отчий имеет началом безлетного Отца, подобно тому как начало света есть великий и прекраснейший круг солнечный. Впрочем, всякое подобие ниже великого Бога, и опасно, чтобы, поставив нечто между присносущным Отцом и присносущным Сыном, не отторгнуть нам Царя — Сына от Царя — Отца. Ибо предполагать, что время, или хотение, прежде Бога, по моему мнению, значит рассекать Божество. Родитель велик как Бог, как Родитель. Но если для Отца всего выше не иметь никакой причины досточтимого Божества; то и достопоклоняемому Рождению великого Отца не менее высоко иметь такое начало. Не отсекай Бога от Бога; потому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоял от Отца.

А слова «не рожденный» и «рождение от Отца» не равнозначительны слову Божество. Иначе кто произвел сии два рода Божества? В отношении к Богу оба они не входят в понятие сущности; естество же, по моему разумению, нерассекаемо. Если Слову принадлежит рождение; то Отец, будучи бесплотен, не приемлет ничего, свойственного плоти (человеческий ум никогда не дойдет до такого нечестия, чтобы помыслить сие); и

ты имеешь Сына — Бога, достойную славу Родителя.

Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великого Отца и напрасно вселяя в сердце пустой страх, отринул рождение, и Христа низводишь в ряд тварей; то оскорбил ты Божество обоих. Отец лишен у тебя Сына, и Христос не Бог, если только Он сотворен. Ибо все, чего когда — либо не было, принадлежит к тварям; а Рожденное, по важным причинам, пребывает, и всегда будет, равным Богу. Какое же основание тому, что ты, наилучший, чрез Христовы страдания, впоследствии, когда преселишься отселе, станешь богом, а Христос — подобным тебе рабом; вместо Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

Если, как ковач, намереваясь сделать колесницу, готовит молот, так и великий Бог в последствии времени создал полезное орудие, чтобы первородною рукою приобрести меня; то тварь во многих отношениях будет превосходнее небесного Христа, если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы стал утверждать сие? Если же Он принял плоть, чтобы помочь твоим немощам, а ты за сие приводишь в меру преславное Божество: то погрешил Милосердствовавший о тебе. А для меня тем более Он чуден, что и Божества не умалил, и меня спас, как врач,

прикинув на мои зловонные струпы.

Он был смертен, но Бог; род Давидов, но Адамов Создатель; плотоносец, но бестелесен; по Матери — Деве описан, но неизмерим. Ясли вместили Его, но звезда вела к Нему волхвов, и принесшие дары пришли и преклонили пред Ним колена. Как человек, был Он в борении, но, как неодолимый, в троекратной борьбе препобедил искусителя. Вкушал Он пищу, но напитал тысячи, и воду претворил в вино. Крестился, но очистил грехи, но Дух громогласно провозгласил Его Сыном Безначального. Как смертный, погружался Он в сон и, как Бог, укрощал море. Утомлялся Он в пути, но у изнемогших укреплял силы и колена. Молился, но Кто же внял умиленным мольбам погибающих? Он был Жертва, но и Архиерей; Жрец, но и Бог; принес в дар Богу кровь, но очистил весь мир; вознесен на крест, но ко кресту пригвоздил грех. К чему же перечислять все подробно? Он приложился к мертвецам, но возбужден из мертвых, а прежде Сам воскрешал мертвецов. Если одно показывало нищету смертного; то другое — богатство Бесплотного. По крайней мере, ты, видя в Нем свойственное смертным, не бесчести Божества. Оно соделало славным и перстный образ, который из любви к тебе образовал нетленный Сын.

Слово 3, о Святом Духе

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа; не отделяй в слове Того, Кто не исключен по естеству. С трепетом чтим великого Духа: Он мой Бог, Им познал я Бога, Он Сам есть Бог, и меня в той жизни творит богом. Он всемогущ; Он раздаятель даров, предмет песнопений чистого лика небесных и земных; Он Жизнеподатель, сидит на вознесенном престоле, исходит от Отца. Он Божия сила, Самовластитель. Он не Сын (потому что един есть благой Сын единого Всеблагого), но Он и не вне невидимого Божества, а равночестен.

Кто же хочет Божество Небесного Духа найти на страницах богодухновенного закона; тот увидит многие частые и вместе сходящиеся стези, если только пожелает видеть, если сколько — нибудь сердцем привлек чистого Духа, и ум у него острозрителен. А если кто потребует открытых слов вселюбезного Божества; то пусть знает, что неблагоприятно его требование. Ибо доколе большей части смертных не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать невероятного бремени на сердца, до крайности немощные. Не для начинающих благовременно совершеннейшее слово. Кто станет слабым еще глазам показывать полный блеск огня или насыщать их непомерным светом? Лучше постепенно приучать их к яркому

блеску, чтобы не повредить и самых источников сладостного света. Так и слово, открыв прежде всецелое Божество Царя — Отца, стало озарять светом великую славу Христову, являемую немногим разумным из людей, а потом, яснее открыв Божество Сына, осияло нам и Божество светозарного Духа. И для тех проливалось оно малый свет, большую же часть предоставило нам, которым потом обильно и в огненных языках разделен Дух, показавший явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся от земли. Знаю же, что Бог есть огонь для злых и свет для добрых.

Так доказал я тебе Божество Духа. Если же ты приходишь в удивление, частью слыша о Сыне и не Сыне единого Божества, а частью убежденный противоположными, удобоизвращаемыми местами Писания; то и здесь Сам Бог снизойдет и подаст мне слово.

От одного первоначального произошли жена и Сиф, и половина и порождение четы по законам брака, и нерожденная и рожденный, хотя тот и другая равно человек. Помня сие, и ты не унижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другого. Одно есть естество неизмеримое, несозданное, безлетное, благое, свободное и равночестное. Един есть Бог в Трех Озарениях, управляющий миром. Ими и я возбуждаюсь в новой жизни, когда, погребая смерть в купели, возвращаюсь ко свету.

Ибо Троичное Божество даровало мне силу воссиять светоносным. Нет, не обману тебя, любитель очищения. Если бы я, омытый Божеством, стал рассекать светлое Божество, то лучше бы... но боюсь закончить недоброе слово. Я входил в купель в надежде сподобиться Божия дара. Если всего меня очистил Бог, то весь Он для меня досточтим. Но неравный Божий дар да получит тот злочестивый смертный, который сам рассекает свое Божество!

Если в Божием слове и у богоносных мужей слышишь или о Сыне, или о благом Духе, будто бы Они имеют второе место по Боге Отце; то советую тебе здесь, в словах глубокой мудрости, находить тот смысл, что она не Божество рассекает, но восходит к единому безначальному корню, дабы ты видел единство державы, а не разность досточтимости.

Из Единицы Троица и из Троицы опять Единица — здесь не то же, что ключевая жила, ключ и большая река, и между тем единый ток, в трех видах стремящийся по земле; не то же, что свеча из пылающего костра, опять в него влагаемая; не то же, что слово, исходящее из ума и в нем пребывающее; не то же, что отблеск колеблющихся и освещенных солнцем вод, мелькающий на стене, ни на одно мгновение не останавливающийся, но прежде приближения

удаляющийся и прежде удаления приближающийся; не то же, потому что естество Божие не есть что — либо непостоянное, или текучее, или опять сливающееся; напротив того, Богу свойственна неизменность.

А ты, мудрствуя так, приноси в сердце чистую жертву. В Трех Светах одно естество неподвижно. Единица не бесчисленна; потому что покоится в трех Добротах. Троица не в разной мере досточтима; потому что естество нерассекаемо. В Божестве Единица, но тречисленны Те, Которым принадлежит Божество. Каждый есть единый Бог, если именуешь одного. И опять, един Бог безначальный, из Которого богатство Божества, когда слово упоминает о Трех. В первом случае проповедуется смертным досточтимость Трех Светов; во втором мы славим пресветлое единоедержавие и не восхищаемся многоначальным собором богов. Ибо, по моему рассуждению, многоначалие есть то же, что и совершенное безначалие, находящееся во взаимной борьбе. А борьба предполагает раздор; а раздор быстро ведет к разрушению. Посему многоначалие да будет у меня как можно дальше от Божества!

Тремя богами можно было бы назвать тех, которых разделяли бы между собою время, или мысль, или державу, или хотение — так что каждый никогда бы не был тождествен с прочими, но всегда